



Целищева Нина Ивановна
Народное образование. Москва

НЕГАСИМЫЙ СВЕТ ДУШЕВНОЙ ЧИСТОТЫ

Есть люди, от которых исходит негасимый свет душевной чистоты, порядочности, глубокой человеческой мудрости. Таков Геннадий Никандрович Волков. Можно прибавить к этому имени еще и его научные титулы, но личность ученого не станет от этого крупнее, масштабнее: человек такого нравственного уровня, такой прочной научной и жизненной позиции изначально значительнее, выше любых дополнений, регалий-званий...

На какой почве выростал талант народного учителя, ученого, писателя? Какие живительные родники питали его мощный ум, широкую душу? На эти вопросы дают ответ его книги, многочисленные педагогические труды. Этот живительный источник, эта благодатная почва – земля отцов и дедов с ее щемяще-неброской красотой, очарование родной речи, родного языка, на котором бабушка нашептывала малышу первые в жизни сказки, пестушки, потешки, прибаутки. Это и первые детские трудовые усилия, напевные песни, которые летними вечерами доносились из-за околицы села...

Позже все это спрессуется в сознании будущего ученого в мощный целостный пласт народной педагогики, которую действительный член Российской академии образования Геннадий Волков с полным правом и с безупречно аргументированной доказательностью назовет педагогикой жизни. Исследованию ее природосообразного влияния на ребенка, ее роли в становлении человека посвящает Геннадий Никандрович свои научные труды, отдает этому благородному делу силы, душу, жизнь.

Опыт практической педагогической деятельности ученого многообразен. Учитель, классный руководитель, преподаватель педучилища и Московского университета им. Ломоносова, ректор пединститута, сотрудник Государственного научно-исследовательского института семьи и воспитания – все это рождало размышления, делало участником и свидетелем самых неожиданных педагогических ситуаций, обогащало научный багаж. Может быть, благодаря этой прочной связи с практикой его книги, посвященные профессиональным проблемам, так увлекательны, написаны языком ярким, образным, афористичным. «У народа на все случаи жизни ребенка свои шедевры», «Педагогу великому имя – народ», «Вне гармонии нет радости», «Человек без Родины хуже бездомной собаки» – эти и многие другие мысли автора звучат как мудрые пословицы и поговорки.

Человек очень тонкой души, Геннадий Никандрович открыл всем нам заповедные сокровища народной педагогики, глубоко осмыслил их, вывел ее удивительные

закономерности, характерные для любого этноса. В чувашском семейном воспитании, например, родное слово использовалось широко и филигранно: напевные колыбельные песни дети слышали от матери, трудные загадки, заставляющие поломать голову – от отца, пословицы и поговорки сопровождали речь умудренного жизнью деда, сказки под шум дождя и вой осеннего ветра сказывала бабушка. И все это – в сотнях, тысячах семей культивировалось веками, становилось непреходящей ценностью, традицией, естественной «воспитательной средой». Уже с четырех лет чувашских детей приучали к труду: дед косил сено, а внук держался за косу, осваивал ее движения, приучал свои ручонки к размаху, к ритму... И непременно в крестьянской семье малыша очень рано учили развязывать мешочки, застегивать пуговицы, вить веревки. Чувашские крестьяне не знали такого понятия, как «мелкая моторика рук», не знали, что она способствует развитию речи. Но интуитивно, душой чувствовали пользу для малышей таких занятий. Вот он, великий закон природосообразности воспитания, универсальная педагогическая методология.

«Народная мудрость воспитания» для Геннадия Никандровича – «лучшее из педагогических словосочетаний». И для многих настоящих учителей это лучшее словосочетание. Золотыми россыпями педагогической мудрости народа искрятся книги Геннадия Волкова. В них раскрыты национально-самобытное искусство общения детей и взрослых в семье, – простое, ясное, сердечное; родительские наставления («Порядок создается трудом и с трудом, но без него нельзя жить»); размышления автора об учителе и его великой («божественной») миссии... В них неожиданные педагогические выводы: неуспевающий ученик – не тот у которого «двойки» и который стремится к «тройке» и получает ее с трудом (у этого – успех), а тот, кто скатился с «пятерок» на «тройки». Вон, оказывается, как...

В книгах и статьях Г.Н. Волкова нет только одного – пустого наукообразия, формализма, отвлеченного, высосанного из пальца теоретизирования – этих заумных педагогических «проценток». И еще – нет прямого, безапелляционного назидания. Прожив в педагогике всю жизнь, он не стыдится откровенно признаться в том, что для него «...воспитание – всегда есть тайна, самовоспитание – вдвойне, перевоспитание – еще больше». К постоянным раздумьям призывает он студентов и аспирантов, с которыми работает, говоря им свое излюбленное: «А теперь – думайте!..»

Как ученый, он плоть от плоти народной педагогики. Его профессиональные взгляды, человеческие убеждения возвращены на той же щедрой почве народной мудрости, нравственности: «Пример не действует сам по себе – его надо основывать на совести», «Совесть в человеке – как зародыш в зерне: без зародыша зерно не прорастет...»

О своих научных титулах Геннадий Никандрович говорить не любит, о себе мимоходом замечает: «Я преимущественно проповедую педагогику». Эта страстная проповедь длиною в целую жизнь научно выверена, системна, окрашена глубоким личностным чувством. К сожалению, не всегда радостным. В свое время «проповедь педагогики», тем более народной, а не «классовой», была делом небезопасным. Молодой ученый прошел через унижительную «гражданскую казнь», политические доносы и допросы, обвинения по поводу того, что «не учитывает мнение обкома» о чувашском пролетарском писателе... Смешно и грустно... Но подобные «политические акции» продолжались и в горбачевские времена, били больно, по самому нерву: было запрещено издание книги Г.Н. Волкова «Продолжение жизни без начала».

Но невзгоды не сломили Геннадия Никандровича, лишь закалили его характер, укрепили нравственную позицию, не разменную на угодничество и конформизм. С

тем большей эмоциональной и интеллектуальной отдачей проповедовал он свою любимую этнопедагогику. Поэтому и не пропускали студенты его лекций, не называли основную профессиональную науку, как это часто бывает, «непроходимой скупищей».

Академик Волков умеет радоваться жизни, в каждом возрасте ощущать ее самоценность. Этим редкостным даром он щедро делится с людьми, со своими учениками, с читателями, побуждая их пристальнее вглядываться в окружающий мир, слушать жизнь. Не коттедж с высоким железным забором, не валютный счет в банке приносят ему радость – совсем иное: «Просто дендрарий – радость, белые березки у школьного крыльца – радость... Содержательная мысль, связанная с работой, делает радость глубокой и длительной... Может радовать что угодно, но главная радость связана с человеком...».

А самая острая, самая нестерпимая боль, как открытая рана, которую не в силах врачевать даже всемогущее время, – связана с потерей любимого человека. «Вина и грех – на моей душе. Я выжил – она умерла... кричу туда, назад, далеко, кричу – сердце разрывается, душа из ран вылетает, разлетаются осколки души вслед за криком, – но очень далеко, слишком далеко – даже эхо не возвращается...».

Написать такие строки о любимой женщине, матери своих детей, – это подвиг сердца. И – признак таланта. Когда читала эти пронзительные строки – невольно вспомнила восприятие мира Григорием Мелеховым после смерти Аксиньи: «Всходило черное солнце...» Не талант сравниваю (эти вещи несравнимые), а глубочайшее ощущение потери и способность найти для этого точное слово – образ: «... даже эхо не возвращается...».

Глава в одной из книг Геннадия Никандровича названа «Я другим уж не буду...».

И слава Богу, дорогой коллега! Оставайтесь таким, каков Вы есть, – в этой верности себе и состоит очарование Вашей личности.

Жаль, конечно, что светоносный Юпитер не в силах выполнить Вашу просьбу и вернуть минувшие годы – увы... Но я верю: еще немало жемчужин мыслей народных найдем мы в Ваших новых книгах.

И не будем Бога гневить! Понадобилось что-то уточнить, позвонила в лабораторию института, ответили: «Волкова нет, отдыхает на Волге...» Это же восхитительно! Значит, все идет своим чередом, как тому и следует быть: рукописи лежат на столе, терпеливо ждут, когда их хозяин вернется из очередного отпуска, чтобы снова приступить к любимому занятию всей жизни – словом и делом проповедовать народную педагогику.

С юбилеем Вас, дорогой Геннадий Никандрович! Многая лета!